- О проекте
- Поиск
- О поддержке
- Нам-10+1!

- Аналитика
- Аудио
    - Аудиобеседы
- Блокадный Ленинград
    - Семёнова О.Г.
    - Эльяшова Л.Л.
- Взгляд с другой стороны
    - Англия
    - Германия
    - Италия
    - США
- Военные действия
    - В воздухе
        - Враги и союзники. Свидетельства.
        - Покрышкин А.И.
    - На море
        - Враги и союзники. Свидетельства.
    - На суше
        - Бабич В.П.
        - Враги и союзники. Свидетельства.
        - Гоманьков В.И.
        - Добров А.С., артиллерист
        - Кошкадаев В.Д.
        - Крауклис Георгий
        - Ляховецкий Я.М., полковник
        - Мишин А.А.
        - Решетников В.П., Защитник своей Родины
        - Сергеев Е.М., академик РАН
        - Смирных Г.В., гвардии майор
        - Сукнев М.И.
        - Удоденко Н.П.
        - Чернов В.И.
        - Чубров В.В., лейтенант
    - Сталинград
        - Зайцев В.Г.
- Дети на войне
    - Лепская (Хмара) Д.П.
    - Сосновских Е.А. Жизнь зеленая
    - Узники
- Женщины на войне
    - Шершина В.И.
- Коллаборационизм
- Наука и культура
    - Королев С.П., академик
    - Курчатов И.В., академик
- Нюрнбергский процесс
- Периодика
- Письма военных лет

  - Дневниковые записи
  - Лихачев Д.С., академик
  - семья Груздевых
  - Удинцев Г.Б., член-корреспондент РАН
- Плен
  - Враги и союзники. Свидетельства.
- Публицистика
  - Точка зрения
- События и объявления
- Советская эпоха. Герои и жертвы
- Художественная литература
  - Бек А.А. Волоколамское шоссе
  - Казакевич Э. Звезда
  - Крутов С.М. Синие солдаты
  - Некрасов В. В окопах Сталинграда
  - Поэзия
  - Проза
- Церковь в годы войны
  - Новомученики и исповедники
- Фотоархив

- РУС
- ENG
- DEU

Непридуманные рассказы о войне

- О проекте
- Поиск
- О поддержке
- Нам-10+1!

- РУС
- ENG
- DEU

Военные действия | На суше

13 февраля 2013| Адамович Алесь и др.

Мать и сын

Теги: оккупация, преступления нацистов

Из общего количества 9 200 белорусских деревень, сожжённых гитлеровцами за годы Великой Отечественной войны, 4 885 было уничтожено карателями. Полностью, со всеми жителями, убито 627 деревень, с частью населения — 4 258. Осуществлялся расистский замысел истребления славянских народов — «Генеральный план «Ост». «Если у меня спросят,— вещал фюрер фашистских каннибалов,— что я подразумеваю, говоря об уничтожении населения, я отвечу, что имею в виду уничтожение целых расовых единиц».

Более 370 тысяч активных партизан, объединенных в 1 255 отрядов, 70 тысяч подпольщиков — таков был ответ белорусского народа на расчеты «теоретиков» и «практиков» фашизма, ответ на то, что белорусы, мол, «наиболее безобидные» из всех славян… Полумиллионную армию фашистских убийц

поглотила гневная земля Советской Белоруссии. Целые районы республики были недоступными для оккупантов. Наносились невиданные в истории войн одновременные партизанские удары по всем коммуникациям — «рельсовая война».. В тылу врага, на всей временно оккупированной территории СССР, фактически действовал «второй» фронт.

За судьбой этих деревень, этих людей: сотни тысяч детей, женщин, престарелых и немощных жителей сел и городов, людей, которых спасала и спасла от истребления всенародная партизанская армия уводя их в леса, за линию фронта. Настоящие воспоминания — документ, который содержит свидетельства уцелевших жителей белорусских деревень, собранные авторами, о зверствах фашистов в годы Великой Отечественной войны. Публикуется в оригинале, прямая речь сохранена без изменений.

Фото с выставки Центрального музея ВОВ «Памяти сожженных деревень».

Минская область, Копыльский район. Рулёво — даже и деревней неудобно назвать: три хаты на опушке, поселочек, однако и он отмечен памятником жертвам еще одной карательной экспедиции 1943 года. **Лизавете Иосифовне Кубрак** шестьдесят шесть лет. Женщина немощная, с клюкой. Рассказывает вроде спокойно. Предупредила только «Не бойтесь, если я буду вскрикивать от боли: у меня отложение солей…»

«Говорят, что едет карательный отряд. Из Песочного много людей сюда приехало, укрыться А они, немцы, ехали не по дороге, а болотами — хотели захватить всех. Приехали, нашли, значит, много чужих людей А эти люди решили, что если едет карательный отряд, дак мы скажем, что из этой деревни. Было большое гумно колхозное, а земля тогда уже была разделена, дак они решили, что мы это все молотим тут. Пошли наши мужчины молотить туда, и эти пошли, из Песочного.

А немцы, как приехали, дак в каждом доме спрашивают семью, жителей дома. Мы помещались у тетки, у нас своего дома не было. Муж, сын и я. А у тетки было две дочки.

Мой муж с сыном тоже пошел туда молотить. В гумне люди хотели спрятаться по норам, но не успели. Немцы открыли двери. Кто успел цеп схватить, тот — будто молотит, а кто и не… А в домах они, немцы, спрашивали: «Где мужчины?» А моя тетка говорит, что молотить пошли. А две из Песочного, учительницы они были, сидят на печи. Я уже им сказала: «Хоть бы вы что вязали…» Немцы спрашивают:

— Где хозяйка?

А тетка говорит:

— Это у меня две дочки, и еще племянник с женой живет, а у них — сын.

— А эти кто две?

Она говорит, что это люди из Песочного.

— А чего они у вас тут? Она говорит:

— Тут мои девчата, и они приехали с прялками. Что ж иначе говорить?

Они ко мне:

— Где муж?

Им мужчины нужны были. Я говорю:

— Молотят там, в гумне.

— Пойди, позови. Я пошла, позвала.

— Партизан? — спрашивает.

А он говорит:

— Пан, какой же я партизан? Вот спросите у хозяйки, мы совместно живем.

А были немцы, и были полицаи.

— А это кто? Он говорит:

— Это из Песочного. Вот у тетки дочки, они — подруги, дак они пришли к ней.

И немцы у мужа спрашивают:

— А когда они пришли?

Он говорит:

— Сегодня.

А те говорят:

— А мы тут уже целую неделю живем.

Уже не одно пошло. Им верят, а ему нет. А березовая палка здоровая, лучше, чем у меня во, да с набалдашником. И давай они его бить… И столько били, что прямо он черный весь был. А тот палку в сторону отставил и другому говорит:

— Застрелить.

Вижу я, что беда, давай просить:

— Пан, это неправда — они сегодня пришли. Пойдите вы поглядите: они из Песочного, ко всем понаехали, не только к нам. В некоторых хатах по двадцать человек, по пятнадцать, и кони стоят запряженные, и в гумне много…

Они и пошли глядеть. И пришел уже вечер.

У тетки дом большой был, и их собралось человек пятьдесят. Наносили соломы. А мы на кухне поместились. На полу около печки посадились и мы, и возчики, что их привезли. Я у одного этого человека и спрашиваю, у возчика:

— Дядька, где они, что делают? Дак они говорят:

— Ничего.

А другой говорит:

— А, в Песочном? Одну девочку убили и дом спалили…

Ну, у меня уже мысль плохая, если они так сказали. Долго не ожидая, приходят и спрашивают по-польски:

— Где господаж?

А он же сидит рядом со мной. Он говорит:

— А ну вперед!..

Поскольку они говорили, что застрелят, дак я ж и посчитала, что берут застрелить. Он поднялся и говорит:

— Прощайте все. Куда забрали, не знаю…

Погодя видим — детдом горит. Думаю я: видать, туда его завезли. Там убили…

Еще тихо было назавтра, а я все чувствовала, что будет плохо.

А там у нас сарайчик был, где стояла телка и кабанчик. Дак я говорю сыну:

— Идем туда. В случае чего, дак мы в лес.

Не успели мы дойти туда — уже выстрел получился. У нас была в сене, в сарайчике, нора пробита, дак сын говорит:

— Мама, я полезу туда.

Потом я говорю:

— Не, ты лучше лезь наверх, а я — за тобою.

Он лезет, а два немца входят как раз… Дак я его — за ноги. Лопочут они черт их знает что. А я им говорю:

— Пан, я даю есть корове.

А они говорят по-немецки. И давай нас толкать, сына и меня. Так вот сарайчик наш стоит, а так вот — то гумно большое, где они молотили, мужчины. Уже двери открыты. И стал такой большой снег идти! Дак они, немцы, один за него, а другой за меня. Втолкнули в то гумно. И дали два выстрела. Сын побежал, а я упала. Так упала, не ранили. Мне не больно. А в сына, видать, попали, что и не ойкнул. Такая мысль у меня мелькнула…

Вопрос: — А сколько ему лет было?

— Четырнадцать лет было.

Стало гумно гореть… А там семь хозяев складывались. Снопы. Дак там все перемешано… Как я упала, дак еще и соломы на себя натянула. Когда солома стала гореть, дак я думала, что я лежу у стенки, под оконцем, через которое шел приводной ремень молотилки. Подымаюсь к этому оконцу и гляжу — они стоят. А впереди постройка горит, и это же гумно горит… А там еще из гумна в поднавес, где молотилка, большое окно, и оно колючей проволокой перекрещено. Попробовала я один виток — еле вот раны остались — один виток был с гвоздем, дак оторвался, а другой — с пробоем — никак. Все — не вылезешь! Да если б это человек нормальный, а то ж весь…

И в этот момент мой сын:

— Мама, ты живая? (Плачет.) Я говорю:

— Живая.

Он вырывается бежать. На нем был кожушок, он сбросил. И шапка горит на нем, и пинжачок горит… (Плачет.) Набрала я снегу, стала тереть, его тушить. А он вырывается бежать. А я говорю:

— Сынок, еще стоят!..

Вопрос: — А вы уже вышли из гумна?

— Не, в гумне. Ветер клонит, двери открытые, снег большой кидает, а мы у самых дверей…

В тот момент они отходят, эти немцы, потому что другие постройки горят и на них — дым большой.

И мы за ними выходим — вот так, как от меня до вас. Как они могли не оглянуться? Судьба какая-то есть на свете… Навес около гумна незакрытый. Гумно сгорело, а навес остался. И мы зашли туда. И только крик слышали, стрельбу большую и крик…

Сын может бежать, а я не. «Мамочка, ты — раненая». А я говорю, что не. Ну, откуда ж кровь? А у меня эта рука порванная была вся. Не чувствовала я. Ну, он может бежать, а я — не. Там было такое дерево большое, срезанная елка. Снегу много надуло. Он меня тянет хоть в эту елку, в снег. Ну, куда ж он меня дотянет! Четырнадцать лет было. Дак я говорю:

— Сынок, спасайся, а мне уже все равно как будет…

Дошли мы еще дальше, полежали там немного, в яме, где песок брали. И вот в этот лесок, сюда. Этак вот с утра ходили мы, день, ночь ночевали… Он же тоже раздетый, только пинжачок на нем. На мне была теплая кофта такая, дак я ее сняла и на него надела. Дитя. Ходили мы, ходили, куда ни пойдем — немцы… Их нема, но они нам все равно в белых халатах показываются. От страха. Под утро петухи поют. А выйдем на край леса — немцы… А их же не было! Только люди приходили, трупы собирали, а их — не было… И уже так все доходит, что только спать — и все. От холода. Спать. Но я знаю, что как сядем — все… Лапок наломаем, на снег положим, я сажусь, а его беру на колени. Как он только засыпает, дак я его вот так вот… (Показывает, как будила.) А только сучья на деревьях трещат да падают. И того мы пугаемся…

Под утро вышли на край, и куда ни поглядим, всюду там — немцы ходят…

Мужа моего они не убили. Взяли на подводу, чтоб показал, где Свинка, деревня такая. Там были эти «самооборонцы». И там, в Свинке, моя мама родная жила. А они еще хотели туда, где там где-то Кошачий Брод есть, чтоб он туда вел. А им сказали, что не езжайте, потому что вас ночью убьют

партизаны. И тут они мужа отпустили. И он пошел к моей маме. И мама его оттуда не пускала, потому что уже наше Рулево горело…

Это уже мама мне рассказала, когда мы с сыном в Свинку пришли. Мама говорила, что мой муж, когда он ушел оттуда, из Свинки, глядеть, живые ли мы, дак говорил: «Если их нема, дак и я не вернусь…» Женщина одна в чулках только по снегу из Рулева прибежала и сказала, что видела, как нас повели, и слыхать были два выстрела, а куда мы подевались — неизвестно… Он костей наших поискал и не нашел… А мама моя запрягла коня и в Рулево приехала. Он плачет, а мама говорит:

— Они живые, они пришли уже до нас!

Потом мы жили у мамы. Я была черная, темная. Больше года была ненормальная. «Немцы, немцы!.» Куда я ни пряталась, куда я ни ходила — всюду немцы были… В белом, в белом… Нагнувшись ничего не могла делать, только стоя. Гречку на телегу подавать… Получился у меня менингит, гипертония, и так — всю свою жизнь мучаюсь…

А сын вот уже в этом месяце девять лет как помер. Мой Ростя. Шестеро внуков оставил… Они в детдоме, четверо младших…»

***

В Новом Селе Борисовского района, на Минщине. **Михась Николаевич Верховодка** рассказывал о том, как весной 1944 года убивали его родные Буденичи.

Михаилу Николаевичу сорок лет. Он был один в хате, однако по рисункам, наклейным на стенке, здесь ощущалось присутствие детей. Впрочем, он и сказал нам после, что это дочка так хорошо рисует. Человек характера мягкого, чуть ли не с женской лаской в голосе. Может, потому и помнит все так подробно. Как женщины. Рассказывал охотно, будто, наконец, дождавшись случая.

«…Два дня дождь лил… Ну, тут все вышли… Есть ни у кого не было ничего, голодный народ был. Посадились, солнце пригрело — все тут и посадились на месте.

А я сидел, не задремал, ничего. Известно, еще ребенком был. Гляжу: немец идет. Я только сказал:

— Ай, немец идет!..

Большой идет, с автоматом.

Моя сестра была. Брата убили тут же, на месте. Как я сказал: «Немец идет!» — дак сестра — дала драпу в лес. Тут нашлась еще невестка — она тоже в лес. А дети — за нею.

Ну, а мы только повставали все. Стоймя стали.

Корова была привязана. Он дал очередь в то место. Попало этой корове. Корова эта — по лесу. И повалилась. Как начала ногами… Пока она кончилась.

Он надумал — и ракету вверх — жах! Тут их аж черно стало. Повыбежали из лесу, окружили нас полностью, со всех сторон. Ну, хлопцы такие были — крест [1] во на рукаве и в черном одеты были. Нас построили. Начали издевательства. Мужчин отдельно построили, а баб — отдельно. И начали лупцевать этих мужчин.

— Где ваше, бандиты, оружие?

Сюда подставит, под бороду… карабин или черт его там знает. А я за юбку у мамы держусь. Я ж уже немного ладный был, первый класс кончил уже.

Так этих мужчин били, сколько им надо было, метров пятьдесят отогнали, лег пулеметчик… Минометчики легли с боков.

А у меня еще детский разум был — глядеть, как мина летит. Один лежит, а другой зайдет со стороны — швырь! Я видел это — мина летит и плюх там, свалится, туда, в березничек. Я то место знаю и теперь. Только теперь оно изменилось, конечно, много лет прошло.

Побили этих мужчин — бабы наделали крику. Пулеметами побили — куда ж они на чистом лугу денутся? Три пулемета. Как косанули! Там и мой брат был, Василь. Жена его с нами была и дети.

Прилетает один сюда, этот немец. Хотели нас в березничек, тут уголок один остался. Какой-то старший подъехал и говорит: «Нет!» Или как он там сказал. Они изменили план. Как стали из миномета бить — два хлопца идут. Молодые хлопцы, може, им тогда по семнадцать было, по восемнадцать. Нас пока оставили. Тут плач. Тут дети эти плакали…

А я не плакал, как-то держался. Интересовался просто… И знал же, что на смерть иду!..

Свастика. Добре. Занялись этими хлопцами. Били их, сколько хотели. Известно ж, люди при силе, а тут — бессильные. В этот березничек, где нам надо было лечь, этих хлопцев… Так вот как-то положили и прострочили их.

Сейчас подошел ихний этот, какой-то старший, видать, и говорит:

— На Буденичи! Ну, нас погнали.

Мы немного отошли, и этой нашей невестки старший хлопец прорвался. А младший, Генка, тот остался. Вернулся сюда, где нас брали.

А меня как брали с места, то там постилка была завязана: хлеба краюшка была. Я завязал за плечи. Дак он мне сказал:

— Сынок, не бери, он тебе не нужен. Я на месте это и бросил.

Прогнали нас метров пятьдесят — выбежал ребенок. Шел сзади конвоир. Говорит… Старушка сзади шла, дак он ей говорит:

— Приведи его!

Пацаненка того. Она пошла. Если б умная старуха, дак она б за этого пацаненка да в лес. Черт бы за нею побежал. Мы тут начали б разбегаться. А она пошла, за ручку того ребенка и привела сюда, в колонну к нам. Идем дальше. Мать мне говорит:

— Сынок, лезь в куст.

— Мамочка,— говорю я,— штыком как даст!.. Пырнет все равно.

Я уже разбирался. Десятый год мне был. Или уже одиннадцатый. Я девяти лет в первый класс пошел: маленький был какой-то.

Добре. Я не полез в куст. Пригнали нас в землянки. В первую землянку пошли старухи какие-то. Мы отошли метров тридцать — уже эти первые — др-др-др! Горит. Кто в другую пойдет? Столбом стали люди. А у них палки были — или они повырезали, или им давали такие, черт их знает. Лупцуют сзади там…

Гляжу: моя мать первая пошла в эту землянку. Ну, раз мама пошла, должен и я. Я за нею второй — шмыг. Она как шла — были две переборки, поленца такие. Кто-то картошку ссыпал, что ли. Она легла туда так

вот как-то. (Показывает.) А я сел. Тут еще старушка… Или они вкидывали их — кто знает. Мы не видели. Може, моей маме первой попало, дак она и шмыгнула сюда… Налезло, налезло, налезло людей — дети и бабы старые. Я сел, и мне думка такая — тюк в голову: «Я знаю, что убьют дак нехай с мамой убьют». Он только стал в дверях Что-то там стал копаться в автомате. Начал он лязгать, а я в этот момент — шусть за маму. Так вот лег и слушаю, как в меня будет пуля… Еще не разбирался,— думал, что она будет, как червяк, точить, эта пуля. Може, я так минуту полежал. Он — др-р-р! — начал стрелять. Пострелял… Только у нашей невестки,— а брата там убили, на лугу,— был дитеночек малый на груди привязан, дак тот только «ку-ва, ку-ва!» — закричал…

Все. Кончилось.

Приносит солому сюда, в эту землянку. Солома, слышно… Я ж то живой. Солому — шарах сюда и запалил. Дым этот тут пошел. Лежу я так вот, зажимаюсь. Сгорела эта солома.

— Е.т.м., не горит!

По-русски сказал. А так — лопочут по-немецки.

Добре. Сгорела солома, отошли, минуты две — гранату сюда. Граната эта разорвалась. Тут все это — поленья, бочка какая-то лежала, железяки — все на нас выворотило. В двери он туда попал. Те, что были убитые, тех поразрывало. Другую они вбросили. Но это я уже мало слышал. Как выстрел какой-то, как пистолетный. Я еще услышал это. Мать, не знаю, слыхала или нет…

Добре. Пролежали… Сколько мы там пролежали?.. Я слышу: мать дышит, живая!.. Я уже ее прошу:

— Мамочка, не дыши.— Так страшно ребенку, что я говорю: — Мамочка, не дыши.

Добре. Тут подходят, посчитали это: «Айн, цвай, драй, фир, зекс…»

Тут девки едут… Коровы мычат. Кажется, встал бы и пошел, если б только не трогали… Они отступали это уже немцы. На Усохи ехали. И полицаи с ними. Коровы мычат, девчата поют вовсю.

Вопрос: — А что за девчата?

— Откуда же я могу знать? Я лежу. Я только услыхал, что земля — дух-дух-дух, дак я пробовал вставать. Мать не вставала. Я встану, только слышу: земля — дух-дух-дух.

Я говорю:

— Мамочка, идут уже опять! Я все страху нагонял ей. И сам боялся… Я расскажу вам еще одно… Это я пропустил. Подходит до землянки этой, где убитые, говорит:

— Тут мины наведены.

А мне, малому, думалось, что это они еще и мины при этом навели. Я слышу. Какое ж тут расстояние? Я глядеть только не могу: не пошевелюсь никак. Это немцы не заходили, ушли. Сейчас приходят два немца еще. Люди побиты, гранатами. Все. А они там что-то — ляп-ляп чем-то. Железки… И сами с собой: «Гер-гер, гер-гер…» А дыхание-то мы не сдержим! Я лежу так вот носом в землю, а мать немножко боком лежала. Где ж тут сдержишь дыхание! Они задержались как-то долго. «Ляп-ляп-ляп!..» Мать возьми да чихнула… И один услыхал.

— Что-то дышит!.. — то по-немецки говорили, а то — по-русски: — Что-то дышит!

Другой чем-то, я не знаю, железо какое взял или палку, и засекли, в каком месте кто-то дохнул.

Мать эту катают… Ну, я за матерью вот так вот шевельнулся.

А другой говорит:

— Кто тут может дышать? Смотри — руки, ноги валяются, кто тут может дышать?..

Вопрос: — Так они то по-немецки, то по-русски говорили?

— Между собой по-немецки, а эти слова сказали по-русски.

Добре. Я это слышал, малыш, лежу. Сейчас же они шмыг отсюда и ушли. Страшно им стало, что ли?..

Тихо стало. Все. Забегут, поглядят… Те, что ехали позже. Возчики это, что ли?

Лежим мы. Стало вечереть. Это к обеду было, когда нас оттуда, с места, взяли. Стало вечереть. Они, наверно, пост оставили в Буденичах, пулеметчика или двоих. Ну, и несколько партизан нарвалось на этот пост. Они тоже тогда, хлопцы эти, шли насмело и нарвались. Завязалась драка. Такая драка, что эти самые немцы — все оттуда начали в Буденичи садить.

А мы лежим. Все боялись это. Мама моя уже тут опомнилась. Говорит:

— Сынок, вылазь!..

А они опомнились, стали из пушек бить, из Усох или из Икан там.

Как попадет снаряд, сынок, дак и убьет нас. А у меня в памяти другое:

— Мамочка, они ж мины навели!

Я уж слыхал, как они говорили. Я ж не разбирался, что это за мины такие и как их наводят. Говорю: — Мамочка, они — мины… Я взорвусь…

А она:

— Лезь, сынок, снарядом попадет — то и убьет.

Ну, я и вылез. По этим людям — граб, граб, граб — и перелез. Стал у косячка и гляжу, а немцы эти бегут. «Гер-гер-гер…» Сюда это. Уже темновато. Фонарь вот такой повесят, ракету — видно, хоть ты считай… А я у косячка спрятался, у землянки, и стою. И говорю:

— Мамочка, скорей! Мамочка, скорей!..

Ну, мамочка постарше, разлежалась… «Поднимусь,— говорила потом,— и повалюсь, поднимусь и повалюсь…» И мокрая. Мы ж мокрые от дождя. Потом расшевелилась.

Как только она вылезла — дак я и побежал. Просто ни страху никакого… Где ж тут — уже утекаешь да будешь бояться? Побежал и как раз попал в жито. Метрах в двадцати. В полоску жита. В жите я уже жду.

— Мамка, скорей! Мамка, скорей!

А она ползет да ползет… Я пожду ее и дальше. А она меня и догонит. Выскочили мы опять на этот луг. Выбежали на пойму — видно: ракету эту повесят. А пулеметы режут, автоматы!..

Она говорит:

— Убьют. Я говорю:

— Все равно уже, побегу я. Если ж меня убьют, дак ты сиди тут!..

Я и побежал, как клубок покатился через эту пойму. Добежал до лесу… И уже тревожусь, боюсь. Как раз попали мы на это место, откуда нас брали… И почему как раз сюда пошли?.. Пождал я мать, прибежала мать. Постилки, все раскидано… Нашла она тут, на этом месте, круглый котелок, сухарей, може, пять нашла, и соли такую вот торбочку. У кого-то осталась. Она взяла. А я все пищу;

— Мамочка, быстрей! Мамочка, быстрей! Из страху такого вырвавшись.

Добре. Куда ж нам идти?.. Лес чужой, а ночь уже настала, темно Метров, може, пятьдесят, а може, больше мы прошли. А потом легли и спали вот так.

Еще ночью, как мы шли, дак крот бугорок нароет, а мне уже казалось, что это — мины. Говорю:

— Мамочка, мина!

Мы обойдем его, этот бугорок. А потом легли под елочкой. Просыпаемся, уже обед — только мы спали. Добре. Я уже стал говорить:

— Мама, есть хочу!

Дак она мне — сухарь. Я его немножко похрупаю. А куда идти — не знаем, куда идти. В лес, чтоб только в лес, чтоб на край не попасть нигде.

Вот прошли мы.. А тут партизаны. Подходим.

— Откуда вы — говорит.

Дак я уже говорю: так и так, от немцев утекли.

Они нам влили крупени немножечко, такая вот, сечка. Мы уже совсем другие люди стали: мы уже горячего попробовали. И зашли мы на Горелый Остров… А потом и армия наша скоро пришла. Ходили мы с мамой и плакали. Там, где убитые, в Буденичах. Сказали нам, что и брат мой убит…»

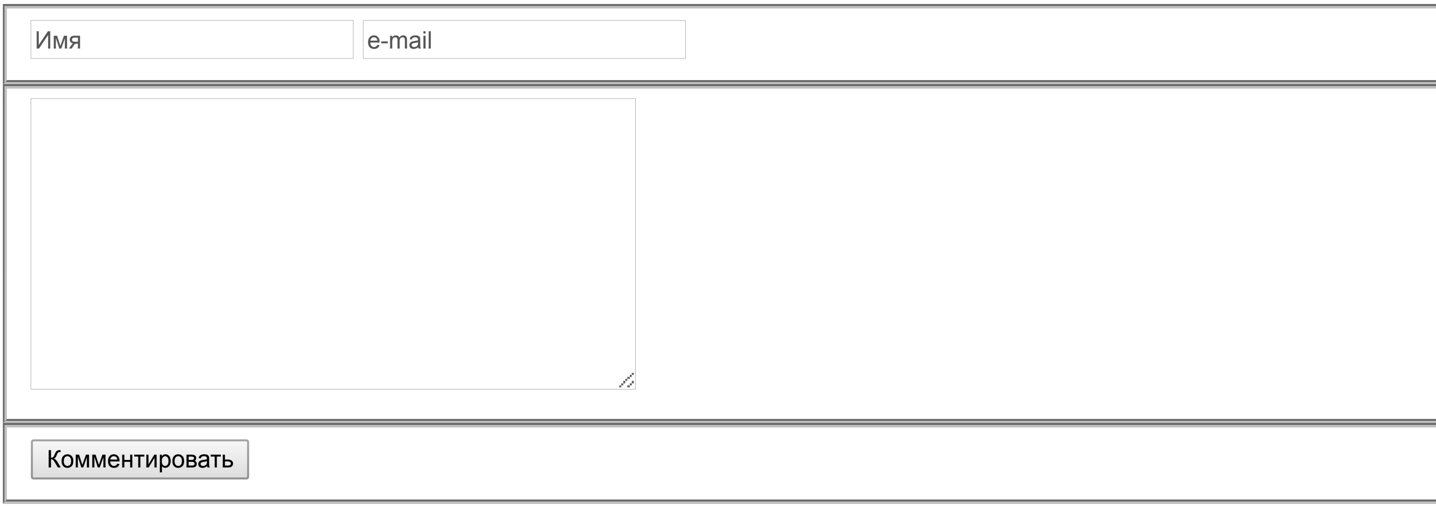
---

[1] Свастика

Источник: Алесь Адамович, Янка Брыль, Владимир Колесник. Я из огненной деревни. Издательство: Мастацкая литература, 1977.

Фото: Татьяны Алешиной. www.world-war.ru

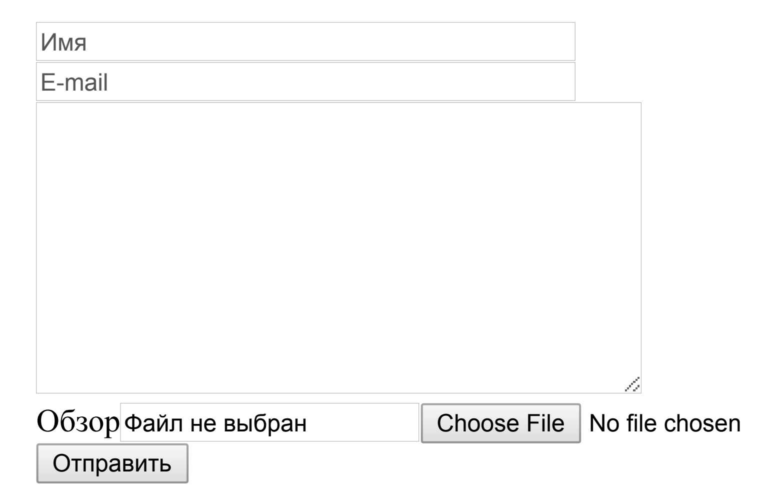
Комментарии (авторизуйтесь или представьтесь)

29 декабря 1944

Начался штурм и взятие Будапешта советскими войсками.

Связаться с редакцией

Обзор Файл не выбран Choose File No file chosen
Отправить

Популярные статьи:

Война кочует по свету: одумаются ли люди?
На суше
Подвиг танкиста Николаева
На суше
Трусость командира — трагедия
На суше
Асы-танкисты Второй Мировой войны
На суше
Боевые действия под Ельней
На суше
Огнеметчик
На суше
Бои на Смоленщине
На суше

-

-

Кто победил во Второй Мировой войне?

- Руководство Советского Союза
- США
- Англия
- Советский народ
- Затрудняюсь ответить

Голосовать

Посмотреть результаты

Что является историческим свидетельством?

- Дневники и письма
- Кино
- Художественная литература
- Материалы СМИ
- Другое

Голосовать

Посмотреть результаты

Нужна ли память о Великой Отечественной войне?

- Очень нужна
- Мне все равно
- Совершенно не нужна

Голосовать

Посмотреть результаты

Оцените этот сайт

- Отлично
- Хорошо
- Надо улучшать
- Затрудняюсь ответить

Голосовать

Посмотреть результаты

1 из 4

Поделиться ссылкой:

-

- Tweet
-
- facebook

- О проекте
- Поиск
- О поддержке
- Нам-10+1!

